

К вопросу о противоречии в мышлении

«Вопросы философии», 4 (1957), с. 63-72

Противоречие как конкретное единство взаимоисключающих противоположностей есть подлинное ядро диалектики, ее центральная категория. На этот счет среди марксистов не может быть двух мнений. Однако сразу же возникает немало трудностей, как только речь заходит о субъективной диалектике, о диалектике как логике мышления. Если любой объект есть живое противоречие, то какой должна быть мысль (суждение об объекте), его выражающая? Может ли и должно ли объективное противоречие найти отражение в мышлении и в какой форме?

* * *

Противоречие в теоретических определениях предмета – это прежде всего факт, который постоянно воспроизводится движением науки. В качестве эмпирического факта противоречие в мышлении не отрицается ни диалектиком, ни метафизиком, ни материалистом, ни идеалистом. Вопрос, по которому спорят, заключается в другом: каково отношение противоречия в мышлении к объекту? Другими словами, возможно ли оно в «истинном», «правильном» мышлении?

Логик-метафизик во что бы то ни стало старается доказать неприменимость диалектического закона о совпадении противоположностей, доходящем до их тождества, к самому процессу мышления. Иногда такие логики готовы даже признать, что предмет в согласии с диалектикой может сам по себе быть внутренне противоречивым. В предмете противоречие есть, а в мысли его быть не должно. Признать справедливость закона, составляющего ядро диалектики, в отношении логического процесса метафизик уже никак не может себе позволить. «Запрет» противоречия превращается в абсолютный формальный критерий истины, в непререкаемый априорный канон, в верховный принцип логики.

Эту позицию, которую иначе как эклектической назвать трудно, некоторые логики стараются обосновать ссылками на практику науки. Любая наука, если она столкнулась с противоречием в определениях предмета, всегда старается разрешить его. Не поступает ли она в этом случае согласно с рецептом метафизики, которая любое противоречие в мышлении считает чем-то нетерпимым, таким, от чего во что бы то ни стало следует избавиться?

Метафизик в логике так и толкует этот момент в развитии науки. Наука-де всегда старается избавиться от противоречий, и он ее в этом поддерживает. В диалектике же метафизик усматривает обратное намерение. Это мнение основывается на непонимании, вернее, просто на незнании того важного исторического факта, что диалектика как раз и рождается там, где метафизическое мышление (то есть мышление, не [63] знающее и не желающее знать иной логики, кроме формальной) окончательно запутывается в логических

противоречиях, которые оно произвело на свет именно потому, что упрямо и последовательно соблюдало «запрет» какого бы то ни было противоречия в определениях.

Диалектика как логика и есть средство разрешения этих противоречий. Так что нет ничего нелепее, как обвинять диалектику в стремлении нагромоздить противоречия. Неразумно видеть причину болезни в появлении врача. Вопрос может состоять лишь в одном: успешно или нет излечивает диалектика от тех противоречий, в которые впало мышление именно в результате строжайшей метафизической диеты, безусловно запрещающей всякое противоречие; если успешно, то как она это делает.

Обратимся к анализу наглядного примера, типичного случая того, как горы логических противоречий были произведены на свет именно с помощью абсолютизированной формальной логики, а рационально разрешены только с помощью логики диалектической. Мы имеем в виду историю политической экономии, историю разложения рикардианской школы и возникновения экономической теории Маркса. Выход из тупика теоретических парадоксов и антиномий, в которые уперлась эта школа, был найден, как известно, только Марксом, и найден как раз с помощью диалектики как логики.

То, что теория Рикардо была насквозь логически противоречивой, – это открыл вовсе не Маркс. Это прекрасно видели и Мальтус, и Сисмонди, и Мак-Куллох, и Прудон. Но только Маркс смог понять действительный характер противоречий трудовой теории стоимости. Рассмотрим вслед за Марксом одно из них, самое типичное и острое, – антиномию закона стоимости и закона средней нормы прибыли.

Закон стоимости Давида Рикардо устанавливает, что живой человеческий труд есть единственный источник и субстанция стоимости. Это утверждение Рикардо было огромным шагом вперед по пути к объективной истине. Но прибыль – тоже стоимость. При попытке выразить ее теоретически, то есть через закон стоимости, получается явное логическое противоречие. Прибыль – это новая, вновь созданная стоимость, точнее, часть этой новой стоимости. Это – абсолютно верное аналитическое определение. Новую стоимость производит только новый труд. Но совершенно очевидный эмпирический факт, что величина прибыли вовсе не определяется количеством затраченного на ее производство живого труда. Она зависит исключительно от величины капитала в целом и ни в коем случае не от величины той его части, которая идет на заработную плату. Даже еще парадоксальнее: прибыль тем больше, чем меньше живого труда потреблено при ее производстве.

Закон средней нормы прибыли, устанавливающий зависимость размера прибыли от величины капитала в целом, и закон стоимости, устанавливающий, что только живой труд производит новую стоимость, становятся в теории Рикардо в отношении прямого, взаимоисключающего противоречия. Тем не менее оба закона определяют один и тот же предмет (прибыль). Эту антиномию со злорадством отметил Мальтус.

Здесь-то и заключалась проблема, абсолютно не разрешимая с помощью принципов формальной логики. И если мысль пришла здесь к антиномии, к логическому противоречию, то диалектику в этом винить трудно. Ни Рикардо, ни Мальтус о ней и понятия не имели. Оба знали только локковскую теорию познания и соответствующую ей (а именно формальную) логику. Каноны последней были для них бесспорными и единственными. Всеобщий закон (в данном случае закон стоимости) эта логика оправдывает только в том случае, если он показан как непосредственно общее эмпирическое правило, под которое подводятся без противоречия все без исключения факты.

Обнаружилось, что такого отношения между законом стоимости и формами его собственного проявления как раз и нет. Прибыль, как только [64] ее пытаются выразить теоретически, то есть понять через закон стоимости, вдруг оказывается нелепым противоречием. Если закон стоимости всеобщ, то прибыль принципиально невозможна. Своим существованием она опровергает абстрактную всеобщность закона стоимости, закона своего собственного существования.

Творец трудовой теории стоимости заботился прежде всего о соответствии теоретических суждений предмету. Он трезво и даже цинично выражал реальное положение дел, и естественно, что последнее, чреватое неразрешимыми антагонизмами, и в мышлении предстает как система конфликтов, антагонизмов, логических противоречий. Это обстоятельство, в котором буржуазные теоретики усматривали свидетельство слабости и неразработанности теории Рикардо, свидетельствовало как раз об обратном – о силе и объективности его теории.

Когда же ученики и последователи Рикардо делают главной своей заботой уже не столько соответствие теории предмету, сколько согласование уже выработанных теоретических определений с требованиями формально-логической последовательности, с канонами формального единства теории, тогда и начинается разложение трудовой теории стоимости

Маркс пишет о Джемсе Милле: «К чему он стремится – это формально-логическая последовательность. С него поэтому начинается *разложение* рикардианской школы»¹.

В действительности, как показал Маркс, всеобщий закон, закон стоимости, находится в отношении взаимоисключающего противоречия с эмпирической формой своего собственного проявления – с законом средней нормы прибыли. Это – *реальное противоречие реального объекта*. И ничего удивительного нет в том, что при попытке прямо и непосредственно подвести один закон под другой получается нелепое логическое противоречие.

Когда же при этом все-таки продолжают предпринимать попытки непосредственно и *без противоречия* согласовать стоимость и прибыль, то и получается проблема, разрешение которой, по выражению Маркса, «гораздо более невозможно, чем квадратура круга... Это просто попытка представить существующим то, чего нет»².

Метафизически мыслящий теоретик, столкнувшись с таким парадоксом, неизбежно толкует его как результат «ошибок», допущенных мыслью ранее, при выработке и формулировке всеобщего закона. Естественно, что и разрешение парадокса он ищет на пути чисто формального анализа теории, на пути «уточнения понятий», «исправления выражений» и т.п. По поводу такого подхода к решению вопроса Маркс пишет: «Противоречие между общим законом и развитыми далее конкретными отношениями должно здесь разрешаться... путем прямого подчинения и непосредственного приспособления конкретного к абстрактному И это именно должно быть достигнуто путем *словесной фикции*, путем изменения правильных названий вещей. Здесь в действительности получается словопрение, так как реальные противоречия, которые не разрешены реально, должны быть разрешены фразами»³.

Если всеобщий закон противоречит эмпирически общему положению вещей, то эмпирик сразу видит выход в том, чтобы изменить формулировку всеобщего закона с таким расчетом, чтобы эмпирически общее непосредственно подводилось под нее. На первый

взгляд это кажется верным: если мысль противоречит фактам, то следует изменить мысль, привести ее в соответствие с «общим», непосредственно данным на поверхности явлений. На самом деле это теоретически ложный путь, и на этом ложном пути рикардианская школа в итоге приходит к полному отказу от трудовой теории стоимости. Теоретически выявленный Давидом Рикардо всеобщий закон приносится в жертву грубой эмпирии, а грубый эмпиризм уже неизбежно превращается в «ложную метафизику, в схоластику, которая с [65] мучительным усилием старается непосредственно вывести из общего закона или объяснить согласно с ним посредством простой формальной абстракции неопровержимые явления эмпирической действительности»⁴.

Формальная логика и абсолютизирующая ее метафизика знают только два пути разрешения противоречий в мышлении. Первый путь состоит в том, чтобы подогнать всеобщий закон под непосредственно общее, эмпирически очевидное положение дел. На этом пути происходит утрата понятия стоимости. Второй путь заключается в том, чтобы представить внутреннее противоречие, выразившееся в мышлении в виде логического противоречия, как внешнее противоречие двух вещей, каждая из которых сама по себе непротиворечива. Это и называется сведением внутреннего противоречия к противоречию «в разных отношениях или в разное время».

Этот путь избрала так называемая «профессорская форма разложения теории». Не объясняется прибыль из стоимости без противоречия? Ну и что же! Не нужно упорствовать в односторонности, нужно допустить, что прибыль в действительности происходит не *только* из труда, но и из многих других факторов. Нужно принять во внимание и роль земли, и роль машин, и роль спроса и предложения, и многое, многое другое. Дело, мол, не в противоречиях, а в полноте...

Так и рождается знаменитая триединая формула вульгарной экономии: «капитал – процент, земля – рента, труд – заработная плата». Логического противоречия, правда, здесь нет, но зато есть простая нелепость, подобная «желтому логарифму», как едко замечает Маркс. Логическое противоречие исчезло, но вместе с ним исчез и теоретический подход к вещам вообще.

Вывод таков: не всякий способ разрешения противоречий приводит к *развитию* теории. Два перечисленных способа приводят к такому их разрешению, которое тождественно превращению теории в беспросветную эмпирическую эклектику. Теория есть вообще только там, где есть сознательное и принципиально проведенное стремление понять все особенные явления как необходимые модификации одной и той же всеобщей конкретной субстанции, в данном случае субстанции стоимости – живого человеческого труда.

Единственным теоретиком, которому удалось разрешить логические противоречия рикардианской теории так, что получилось не разложение, а действительное *развитие* трудовой теории стоимости, был, как известно, Карл Маркс. В чем заключается его диалектико-материалистический способ разрешения антиномии? Прежде всего следует констатировать, что реальные противоречия, выявленные Давидом Рикардо, в системе Маркса не исчезают. Более того, они предстают здесь как *необходимые* противоречия самого объекта, а вовсе не как результат ошибочности мысли, неточностей в определениях и т.п. В первом томе «Капитала», например, доказывается, что прибавочная стоимость есть исключительный продукт той части капитала, которая затрачена на заработную плату, превратилась в живой труд, то есть переменной части. Положение из третьего тома, однако, гласит: «Как бы то ни было, в итоге оказывается, что прибавочная стоимость ведет свое происхождение одновременно от всех частей приложенного капитала»⁵.

Между первым и вторым положением развита целая система, целая цепь опосредующих звеньев, тем не менее между ними сохранилось отношение взаимоисключающего противоречия, подпадающего под «запрет» формальной логики. Именно поэтому вульгарные экономисты после выхода в свет третьего тома «Капитала» с торжеством заявляли, что Маркс не выполнил своих обещаний, что антиномии трудовой теории стоимости остались им не разрешенными и что, следовательно, весь «Капитал» есть не более как спекулятивно-диалектический фокус. [66]

Всеобщее, таким образом, и в «Капитале» противоречит своему особенному проявлению, и противоречие между ними не исчезает оттого, что между ними развита целая цепь опосредующих звеньев. Напротив, как раз это и доказывает, что антиномии трудовой теории стоимости – это вовсе не «логические» (то есть чисто субъективные, из неряшливости или нечеткости определений вытекающие) противоречия, а реальные противоречия объекта, правильно выраженные Давидом Рикардо, хотя и непонятые им. В «Капитале» антиномии трудовой теории стоимости вовсе не упраздняются как нечто «субъективное». Они здесь оказываются *понятыми*, то есть *снятыми* в составе более глубокого и конкретного теоретического понимания. Иными словами, они *сохранены*, но утратили характер «логических» противоречий, превратились в абстрактные моменты конкретного понимания экономической действительности. И это не удивительно: любая конкретная развивающаяся система заключает в своем составе противоречие как принцип своего саморазвития и как форму, в которую это развитие отливается.

В этом плане очень показательным сопоставлением анализа стоимости у метафизика Рикардо и у диалектика Маркса.

Рикардо, как известно, не дал анализа стоимости по ее форме. Его абстракция стоимости, с одной стороны, неполна, с другой стороны, формальна и именно потому неверна.

В чем Маркс видит полноту и содержательность анализа стоимости, которых недостает Давиду Рикардо?

Прежде всего в том, что стоимость есть живое, конкретное противоречие. Рикардо показал стоимость только со стороны ее субстанции, то есть понял труд как субстанцию стоимости. Если воспользоваться философским выражением из гегелевской «Феноменологии духа», Маркс понял стоимость не только как субстанцию, но также и как субъект. Стоимость предстала как субстанция-субъект всех развитых форм и категорий политической экономии. С этого пункта и начинается сознательная диалектика в этой науке. Ибо «субъект» в понимании Маркса (в данном случае он пользуется терминологией «Феноменологии духа») – это прежде всего реальность, разворачивающаяся через свои внутренние противоречия.

Присмотримся поближе к его анализу стоимости. Непосредственно исследуется прямой безденежный обмен товара на товар. В обмене, в ходе которого один товар замещается другим, стоимость только проявляется, только выражается, но ни в коем случае не создается. Проявляется она так: один товар играет роль относительной стоимости, а другой, противостоящий ему, – роль эквивалента. При этом «один и тот же товар в одном и том же выражении стоимости не может принимать одновременно обе формы. Более того: последние полярно исключают друг друга»⁶.

Метафизик, несомненно, обрадуется, увидев это положение: две взаимоисключающие экономические формы не могут совместиться одновременно в одном товаре! Но значит ли

это, что Маркс отвергает возможность совпадения взаимоисключающих определений в объекте и его понятии? Как раз наоборот.

Дело в том, что речь пока и не идет о *понятии* стоимости, о стоимости как таковой. Приведенный отрывок венчает анализ *формы обнаружения* стоимости. Сама же стоимость остается пока по-прежнему таинственной и теоретически невыраженной сущностью каждого из товаров. На поверхности явлений она предстает действительно так, что видны две абстрактно-односторонние формы ее обнаружения. Но сама стоимость не совпадает ни с одной из этих форм, ни с их простым механическим «единством». Она есть нечто третье, нечто более глубоко лежащее.

Холст как товар в одном отношении, в отношении к своему [67] владельцу, предстает прежде всего как только относительная стоимость. В отношении к нему холст не может быть одновременно и эквивалентом.

Но дело выглядит так только с *абстрактно-односторонней* точки зрения. Ведь точка зрения владельца холста абсолютно равноправна с точкой зрения владельца сюртука, а с этой позиции отношение выглядит как раз обратным. Это вовсе не два разных отношения, а одно конкретное объективное отношение, *взаимное* отношение двух товаровладельцев. И с этой *конкретной* точки зрения каждый из двух товаров – и холст и сюртук – *взаимно* измеряют друг в друге свою стоимость и *взаимно* же служат материалом, в котором эта стоимость измеряется. Иными словами, каждый из них взаимно предполагает, что в другом товаре осуществлена «эквивалентная» форма стоимости, та самая форма, в которой этот последний находится не может уже потому, что он предстает в форме «относительной» стоимости.

Иначе говоря, реально совершающийся обмен предполагает, что *каждый из двух* взаимно соотносящихся в нем товаров принимает на себя сразу обе экономические формы обнаружения стоимости: он и измеряет свою стоимость и служит материалом для выражения стоимости другого товара. И если с абстрактно-односторонней точки зрения каждый из них находится только в одной форме, выступает как относительная стоимость «в одном отношении» и как эквивалент «в другом отношении», то с конкретной точки зрения, то есть на самом деле, каждый из товаров *одновременно* и притом *внутри одного и того же отношения* находится в обеих взаимоисключающих формах выражения стоимости.

Если этого нет, если два товара взаимно не признали друг друга эквивалентами, то обмена попросту не происходит. Если же обмен реально произошел, то это значит, что в каждом из двух товаров совместились обе полярно исключающие формы стоимости.

Что же получается, скажет метафизик, выходит, что Маркс противоречит сам себе? То говорит, что две полярные формы выражения стоимости не могут совместиться в одном товаре, то утверждает, что в реальном обмене они все-таки как-то совмещаются.

А значит это следующее: конкретное рассмотрение вещи опровергает результат, полученный с абстрактно-односторонней точки зрения на нее, показывает его как неистинный. Истина же товарного обмена заключается как раз в том, что осуществляется положение, абсолютно невозможное с точки зрения абстрактно-одностороннего взгляда.

В виде противоречия «в разных отношениях», как показывает анализ, осуществляется проявление чего-то иного, а именно абсолютного содержания каждого из товаров, его стоимости, *внутреннего* противоречия стоимости и потребительной стоимости. Маркс

пишет: «Скрытая в товаре внутренняя противоположность потребительной стоимости и стоимости выражается, таким образом, через внешнюю противоположность, т.е. через отношение двух товаров, в котором один товар – тот, стоимость *которого* выражается, – непосредственно играет роль лишь потребительной стоимости, а другой товар – тот, в *котором* стоимость выражается, – непосредственно играет роль лишь меновой стоимости. Следовательно, простая форма стоимости товара есть простая форма проявления заключающейся в нем противоположности потребительной стоимости и стоимости»⁷.

С точки зрения логики это место чрезвычайно поучительно. Метафизик, столкнувшись с фактом совпадения противоречащих определений в понятии, в суждении о вещи, скажет, что это – неистинное теоретическое выражение, что на самом деле этого не может быть, и всегда постарается свести внутреннее противоречие к внешнему противоречию двух вещей, каждая из коих, по его мнению, внутренне непротиворечива, к противоречию «в разных отношениях» или «в разное время». [68]

Маркс поступает как раз наоборот. Он показывает, что в противоречии внешнего порядка лишь внешним образом проявляется скрытое в каждой из взаимоотносящихся вещей *внутреннее* противоречие.

В итоге стоимость предстает как внутреннее отношение товара *к самому себе*, внешним образом обнаруживающееся через отношение к другому товару. Другой товар играет здесь лишь роль зеркала, в котором отражается внутренне противоречивая природа товара, выражающего свою стоимость.

Говоря философским языком, внешнее противоречие предстает лишь как явление, а отношение к другому товару – как опосредованное через отношение к другому товару отношение товара к самому себе.

Это *внутреннее* отношение, отношение к самому себе, и есть *стоимость* как абсолютное экономическое содержание каждого из взаимно соотносящихся товаров.

Метафизик всегда старается свести внутреннее отношение к внешнему. Для него противоречие в одном отношении – это показатель абстрактности знания, показатель смешения разных планов абстракции и т.п., а внешнее противоречие – показатель «конкретности» знания.

Для Маркса, наоборот, если предмет предстал в мышлении лишь как внешнее противоречие, то это показатель односторонности, поверхностности знания. Значит, знание не уловило внутреннего противоречия, а уловило лишь внешнюю форму его обнаружения. Диалектика всегда обязывает за отношением к другому видеть скрытое за ним отношение к самому себе, внутреннее отношение вещи.

Разница между диалектикой и метафизикой вовсе не состоит в том, что первая признает только внутренние противоречия, а вторая – только внешние. Метафизика действительно старается всегда свести внутреннее противоречие к противоречию «в разных отношениях», отрицая объективное значение за внутренним противоречием. Диалектика же отнюдь не сводит одно к другому. Она признает объективность и тех и других. Дело не в сведении внешнего противоречия к внутреннему, а в том, чтобы из внутреннего *вывести* внешнее и тем самым понять и то и другое в их объективной необходимости. При этом диалектика не отрицает того факта, что внутреннее противоречие всегда выступает в явлении в виде внешнего противоречия.

Непосредственное совпадение взаимно исключающих друг друга экономических определений (стоимости и потребительной стоимости) в *каждом* из двух столкнувшихся в обмене товаров и есть истинное теоретическое выражение сущности простого товарного обмена. Эта сущность и есть стоимость.

Понятие стоимости (в отличие от внешней формы ее обнаружения в акте обмена) характеризуется с логической стороны тем, что она предстает как непосредственное противоречие, как непосредственное совпадение двух полярно исключающих друг друга форм экономического бытия.

Таким образом, в реальном акте обмена осуществляется то, что с точки зрения абстрактного (формально-логического) рассудка представляется невозможным, — непосредственное тождество противоположностей. Это есть теоретическое выражение того реального факта, что прямой товарный обмен не есть такая форма, в которой общественный обмен веществ мог бы совершаться гладко, без коллизий, без конфликтов, без противоречий и кризисов.

Прямой товарный обмен не в состоянии выразить общественно необходимую меру затраты труда в равных отраслях общественного производства, то есть стоимость. Поэтому-то стоимость в пределах простой товарной формы и остается неразрешенной и неразрешимой антиномией. Здесь товар и *должен* и *не может* находиться в обеих полярных формах выражения стоимости, а следовательно, реальный обмен по стоимости невозможен. Но это все-таки как-то происходит, так или иначе обе полярные [69] формы стоимости как-то совмещаются в каждом товаре. Антиномия безвыходная. И весь гений Маркса состоит как раз в том, что он понял и теоретически выразил ее.

Поскольку обмен через рынок остается единственной и всеобщей формой общественного обмена веществ, постольку антиномия стоимости находит свое решение в движении самого товарного рынка. Он сам создает средства «разрешения» своих собственных противоречий. Так рождаются деньги. Обмен становится не непосредственным, а опосредованным — через деньги. И совпадение взаимоисключающих экономических форм в товаре как будто прекращается. Оно предстает как бы расщепленным на два «разных отношения»: на акт продажи (акт превращения потребительной стоимости в стоимость) и на акт покупки (акт превращения стоимости в потребительную стоимость). Два антиномически взаимоисключающих по своему экономическому содержанию акта уже не совпадают тут непосредственно, а совершаются в разное время и в разных местах рынка.

Антиномия на первый взгляд кажется разрешенной по всем правилам формальной логики — в противоречие в разных отношениях и в разное время. Но сходство это чисто внешнее. На самом деле антиномия в определениях вовсе не исчезла, а лишь приняла новую форму своего выражения. Деньги вовсе не становятся абсолютно чистой «стоимостью», а товар — столь же чистой «потребительной стоимостью». И товар и деньги по-прежнему чреваты внутренним противоречием, и это противоречие по-прежнему выражается в мышлении в форме противоречия в определениях, притом неразрешенного и неразрешимого и тут. Это реальное противоречие явным образом обнаруживается, правда, только изредка, а именно в кризисах. Но тем сильнее оно дает себя почувствовать.

«Только товар — деньги», говорит товаровладелец в то время, когда это противоречие не проявляется на поверхности. «Только деньги — товар», вопит он прямо- противоположным образом во время кризиса, опровергая свое собственное абстрактное суждение. Теоретическое же, конкретное мышление Маркса показывает, что внутренняя

противоположность экономических определений денег существует в каждый миг, и тогда, когда она не проявляется очевидным, наглядным образом, а затаена и в товаре и в деньгах, когда все идет по видимости благополучно и противоречие кажется разрешенным раз и навсегда.

В теоретических определениях денег полностью сохраняется выявленная ранее антиномия стоимости. Эта первоначальная антиномия по-прежнему составляет «простую сущность» и товара и денег, хотя на поверхности явлений эта внутренняя противоречивость и оказалась погашенной, распалась на два «разных отношения». Эти два «разных отношения» по-прежнему, как и при прямом обмене товара на товар, составляют внутреннее единство, сохраняющееся во всей его остроте и напряженности и в товаре и в деньгах, а следовательно, и в теоретических определениях того и другого.

Стоимость по-прежнему остается внутренне противоречивым отношением товара к самому себе. Правда, это отношение на поверхности обнаруживается уже не через прямое отношение к другому такому же товару, а через отношение к деньгам. Деньги же выступают в этом свете как то средство, с помощью которого осуществляется взаимное, встречное превращение двух первоначально выявленных полюсов выражения стоимости (стоимости и потребительной стоимости).

С этой точки зрения вся логическая структура «Капитала» вырисовывается с новой, очень важной стороны. Любая конкретная категория предстает как одна из метаморфоз, через которую проходят стоимость и потребительная стоимость в процессе их взаимного превращения друг в друга. [70]

Становление товарно-капиталистической системы в теоретическом анализе Маркса выступает как процесс усложнения той цепи опосредующих звеньев, через которые вынуждены проходить оба взаимно тяготеющих и одновременно взаимно исключаящих друг друга полюса стоимости. Путь взаимного превращения стоимости и потребительной стоимости становится все длиннее и сложнее, напряжение между полюсами растет и растет. Относительное и временное разрешение его осуществляется через кризисы, окончательное – в социалистической революции.

Такой подход к вещам сразу ориентирует мышление в анализе любой формы экономической связи этой системы. В самом деле, как товарный рынок находит относительное разрешение своих объективных противоречий в рождении денег, так и теоретические определения денег в «Капитале» служат средством относительного разрешения теоретического противоречия, выявленного в анализе простой формы стоимости.

В пределах простой формы стоимости антиномия стоимости остается неразрешимой. Она и фиксируется мышлением в виде противоречия в понятии стоимости. Единственно верное логическое разрешение этой антиномии состоит в прослеживании того, как она разрешается объективно, на практике, в ходе самого движения товарного рынка. В открытии той новой реальности, которая развилась в силу невозможности разрешить первоначально выявленное объективное противоречие, и заключается движение исследующей мысли.

Таким образом, сам ход теоретической мысли становится не беспорядочным блужданием, а строго целенаправленным процессом. Мышление здесь обращается к эмпирическим фактам в поисках условий, данных, которых недостает для решения четко сформулированной задачи, проблемы. Поэтому оно предстает как процесс постоянного

разрешения проблем, выдвигаемых самим же исследованием эмпирических фактов. Исследование товарно-денежного обращения приводит к антиномии. Маркс пишет: «Как ни вертись, а факт остается фактом: если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной стоимости, и если обмениваются не-эквиваленты, тоже не возникает никакой прибавочной стоимости» ⁸.

Итак, заключает Маркс, капитал не может возникнуть из обращения и столь же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть «в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения. Таковы условия проблемы. *Hic Rhodus, hic salta!* [Вот Родос, здесь прыгай!]]» ⁹.

Эта форма постановки проблемы у Маркса вовсе не случайна и не есть просто риторический прием. Она связана с самим существом диалектического метода развития теории, следующего за развитием действительного объекта. Постановке вопроса соответствует и решение. Проблема, вставшая в мышлении в форме противоречия в определении, может быть решена только в том случае, если теоретика (как и реальному владельцу денег) «посчастливится открыть в пределах сферы обращения, т.е. на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости, – такой товар, фактическое потребление которого было бы процессом овеществления труда, а следовательно, процессом созидания стоимости» ¹⁰.

Объективная реальность всегда развивается через возникновение внутри нее конкретного противоречия, которое и находит свое разрешение в порождении новой, более высокой и сложной формы развития. Внутри исходной формы развития противоречие неразрешимо. Будучи выражено в мышлении, оно, естественно, выступает как противоречие в определениях понятия, отражающего исходную стадию развития. И это не только правильная, но единственно правильная форма движения исследующей мысли, хотя в ней и имеется противоречие. Такого рода противоречие в определениях разрешается не путем «уточнения понятия», отражающего [71] данную форму развития, а путем дальнейшего исследования фактической действительности, путем отыскания той другой, новой, высшей формы развития, в которой исходное противоречие находит свое действительное, фактическое, эмпирически констатируемое разрешение.

Старая логика не случайно обходила такую важнейшую логическую форму, как «вопрос». Это связано с тем, что реальные вопросы, реальные проблемы, возникающие в движении исследующей мысли, всегда вырастают перед мышлением в виде противоречий в определении, в теоретическом выражении фактов. Конкретное противоречие, возникшее в мышлении, и ориентирует на дальнейшее и притом целенаправленное рассмотрение фактов, на отыскание и анализ именно тех фактов, которых недостает для решения проблемы, для разрешения именно данного теоретического противоречия.

И если в теоретическом выражении действительности противоречие возникло с необходимостью из самого хода исследования, то это не есть так называемое логическое противоречие, хотя бы оно обладало формальными признаками такового, а есть логически правильное выражение действительности. И, наоборот, логическим противоречием, которого не должно быть в теоретическом исследовании, приходится признать противоречие терминологически-семантического происхождения и свойства. Такого рода противоречия в определениях и обязан выявлять формальный анализ. Здесь формально-логический запрет противоречия полноправен. Строго говоря, он касается употребления терминов, а не процесса движения понятий. Последнее – предмет диалектической логики. Но в этом случае господствует другой закон – закон единства, совпадения

противоположностей, притом совпадения, доходящего до их тождества. Именно он составляет подлинное ядро диалектики как логики мышления, следующего за развитием действительности.

Это обстоятельство, по-видимому, нельзя не учитывать при дальнейшей разработке вопроса о противоречии как в диалектической, так и в формальной логике. [72]

¹ *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости, т. III, 1936, с. 63.

² Там же, с. 65-66.

³ Там же, с. 66.

⁴ Там же, т. I, с. 100.

⁵ *Маркс К.* Капитал, т. III, 1955, с. 40.

⁶ Там же, т. I, с. 55.

⁷ Там же, с. 68.

⁸ Там же, с. 170.

⁹ Там же, с. 173.

¹⁰ Там же.